

УДК 821.161.1.-343(4)

ПУБЛИКАЦИИ А. С. ХОМЯКОВА В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ БОРЬБЫ ЗА НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИМИДЖ

Орехов В. В.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь
E-mail: v-orehov@mail.ru*

В статье исследуется русско-французский литературный диалог по поводу европейского имиджа России, рассматривается влияние российской цензуры на русско-европейские литературные отношения XIX в., анализируются особенности индивидуально-творческой тактики русских литераторов, вступающих в межлитературную полемику имагологического характера.

Ключевые слова: имидж, цензура, межлитературный диалог, имагология, рецепция.

ВВЕДЕНИЕ

Почти непрерывное политическое противостояние между Россией и Европой в XIX в. поддерживало перманентную пропагандистскую войну, в которой Европа зачастую лидировала, формируя негативный, угрожающий имидж России. Общество в России болезненно воспринимало зарубежные нападки, а русские литераторы искали способы повлиять на ход русско-французских словесных баталий. Русская литература XIX в. воспринимала зарубежные суждения о России как своего рода *вызов* и формировала *ответ* на этот вызов. Обсуждение «иностранных сказаний» о России приобретало вид общелитературного и даже – общекультурного явления. Этот общенациональный *ответ за границе* формировался в сочетании множества индивидуально-авторских вариантов.

Цель настоящей статьи – рассмотреть ряд произведений А. С. Хомякова в контексте борьбы русской литературы за национальный имидж.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Как известно, при всей строгости николаевской цензуры ее отличало отсутствие детально регламентированного порядка. И если для российской печати цензура нередко играла роль судьи, который руководствуется не законом, а мнениями и настроениями отдельных представителей власти, то по отношению к русским публикациям за рубежом она вовсе не имела представлений о собственной роли. По идее, русские литераторы должны были предоставлять в цензуру любое свое произведение, предназначенное для печати. На деле же оказывалось, что в Европе русские подданные печатали свои сочинения зачастую без всякого согласования с русским правительством. III Отделение, как правило, реагировало на эти факты лишь тогда, когда публикации вредили престижу российской власти. Так, А. Демидову было предложено прекратить публикацию «Писем о России», которые он помещал в «Journal des Débats» в 1838-39 гг., а П. Долгоруков за книгу о российском дворянстве (1843) был вообще вытребован из Франции в Россию.

Официальную позицию в подобных вопросах откровенно сформулировал заграничный агент III Отделения Я. Толстой. В 1842 г. он разъяснял И. Головину, задумавшему издать книгу во Франции: «Если ваша книга будет против России, вас станут преследовать; коли ни то, ни се – будут смотреть сквозь пальцы, а если она будет в пользу России – то вас могут наградить» [3, с. 557]. Головин после такого разъяснения издал-таки книгу, был вызван за это в Россию, отказался ехать и стал эмигрантом. Однако возможность печататься в обход цензуры (и при этом не компрометировать себя в глазах правительства) оставалась заманчивой перспективой для многих русских писателей. Так, например, Ф. И. Тютчев, начиная с 1844 г., опубликовал за границей четыре статьи, две из которых («Россия и Революция», «Папство и Римский вопрос») вызвали живейшую полемику. При этом Лэйн доказывает, что заграничные публикации давали возможность Тютчеву, уволенному с дипломатической службы «из-за полного пренебрежения к обязанностям», «достигнуть реабилитации во мнении правящих кругов» [4, с. 249]. Особенных привилегий за свои статьи Тютчев не приобрел, но и преследованиям не подвергался. Во всяком случае, когда у М. П. Погодина возникли затруднения с публикацией «историко-политических писем», составленных в период Крымской войны, Тютчев почти открыто рекомендовал ему издать «письма» за границей. «Сказать ли вам, чего бы я желал? – интересовался Тютчев в письме к Погодину от 13 окт. 1857 г. – Мне бы хотелось, чтобы какой-нибудь добрый или даже недобрый человек – без вашего согласия и даже без вашего ведома издал бы эти письма так, как они есть, – за границу...» [6, с. 423] Тютчев оказался прав: Погодин не получил разрешения на публикацию своих писем в России и опубликовал их в 1860-61 гг. в Лейпциге.

А. С. Хомяков в конце 1840-х – начале 1850-х гг. из-за цензурного давления почти потерял возможность видеть свои сочинения опубликованными, а в 1852 г. постановлением Л. В. Дубельта ему официально было запрещено «даже и представлять к печатанию свои сочинения» [2, с. 389]. Тогда, по-видимому, вдохновленный примером Тютчева, Хомяков решил выступить в европейской печати, втянувшись в жаркую полемику по поводу статьи Тютчева «Папство и Римский вопрос», которая была опубликована в известном «Revue des Deux Mondes» в 1851 г. В 1853 г. в Париже на французском языке появилась брошюра Хомякова «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу брошюры г. Лоранси». Книга имела подпись «Неизвестный» («Ignotus»).

Автор сразу оговаривался, что не станет касаться политических вопросов. «Единственная моя цель, – заявлял он, – оправдать церковь от странных обвинений, возводимых на нее г. Лоранси, и потому я не преступлю пределов вопроса религиозного» [10, с. 28]. Этой формулировке предпослано значимое разъяснение: «Когда возводится клевета на целую страну, граждане этой страны имеют право за нее заступиться; но столько же они имеют право и промолчать, предоставив времени оправдание их отечества. <...> Тем более что в лице своего правительства и официальных своих представителей каждая страна пользуется защитой власти <...>. Иное дело в области веры или Церкви. <...> Церковь ни одному из чад своих

не разрешает молчания перед клеветой, против нее направленно <...>» [10, с. 27]. Ясно, что это разъяснение может быть столь же рассчитано на французского читателя, сколько и на российские власти, в случае если инкогнито автора будет раскрыто и впоследствии возникнет вопрос, почему Хомяков решился нарушить запрет публиковать свои сочинения.

В 1855 г. Хомяков опубликовал в Германии еще одну брошюру, продолжавшую рассуждение о противоречиях католицизма и православия, «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях. По поводу одного окружного послания Парижского архиепископа». Это был ответ на призыв к католикам архиепископа де Сибура в период Восточной войны – идти в «крестовый поход» против православных. Брошюра снова была подписана – «Неизвестный». Напрашивается вывод, что Хомяков всячески стремится скрыть свое авторство, поскольку нарушает правительственный запрет выступать в печати. Однако при ближайшем рассмотрении картина оказывается не столь уж однозначной.

Н. П. Барсуковым опубликованы некоторые материалы, касающиеся заграничных брошюр Хомякова. Оказывается, не только они сами были известны при российском дворе, но и имя их автора не составляло тайны. Вторая брошюра весьма заинтересовала императрицу Марию Александровну, и по ее поручению В. Д. Олсуфьев направил Хомякову 17 мая 1855 г. следующую записку: «Государыня императрица, узнав, что вы написали продолжение сочинения вашего «*Quelques mots d'un Chrétien Orthodoxe*» [«Несколько слов православного христианина»], желает прочитать оное. Почему и обращаюсь к вам с просьбою прислать мне вашу рукопись для представления ее величеству. Ей угодно было приказать сообщить вам, что покойный государь император с удовольствием читал вышеуказанное сочинение и остался им доволен» [1, Кн. 14, с. 291]. Для Хомякова подобный оборот означал одно: его труды оценены властью, а значит в отношении его «провинности» будет применено правило – победителя не судят.

К слову, о благожелательном отзыве императора Хомяков знал и ранее. В письме к Кошелеву он указывает на некий источник, из которого ему были известны слова Николая I о книге: «В том, что он говорит о Церкви, он весьма либерален, но в том, что он говорит о ее отношениях к светской власти, он прав, и я с ним согласен» [1, кн. 14, с. 291]. Успех брошюры Хомякова при дворе не был минутным. 29 июня 1855 г. Хомяков снова получает письмо от Олсуфьева: «Государыня императрица Мария Александровна повелеть мне соизволила препроводить к вам немецкий перевод книги вашей, по воле великой княгини Ольги Николаевны сделанный нашим стутгартским священником <...>. Вам, вероятно, не безынтересны распри западной церкви о непорочном зачатии Пресвятой Богородицы. Посылаю от себя для прочтения протест аббата Лабурда против сего нового догмата» [1, кн. 14, с. 292]. Ясно, что последнюю фразу можно расценивать как поощрение автора к дальнейшим трудам на ниве защиты православия.

Хомяков, фактически получив высочайшее одобрение на публикацию сочинений о православии в обход как гражданской, так и духовной цензуры, продолжил работу и опубликовал за рубежом другие произведения богословского

характера в 1858 и 1860 гг. Однако он продолжал подписывать их псевдонимом «Неизвестный». Почему?

Можно догадаться, что, начиная с первого выступления за рубежом, Хомяков имел расчет, основанный на логике, подобной приведенному выше высказыванию Я. Н. Толстого: если книга будет хорошо принята российской властью, то это может вернуть автору свободу печататься, если вызовет недовольство правительства, можно будет укрыться за псевдонимом. Хомяков, в отличие от Тютчева, не был европейским завсегдатаем, не имел отношения к дипломатическому миру, в конце концов, его публикации не вызвали того же ажиотажа, что статьи Тютчева, и ему нетрудно было бы сохранить в тайне свое имя. Но, видимо, он твердо верил в успех книг в России, если допустил, чтобы псевдоним был раскрыт после выхода первой же брошюры. Когда же лучшие прогнозы Хомякова оправдались, маска «Неизвестного» все же имела смысл, но уже лишь на бумаге: указывала на принадлежность публикаций одному автору и сохраняла видимость приличия при нарушении писателем цензурной повинности.

Пожалуй, изложенные подробности могут навлечь на Хомякова скоростипажное обвинение в конформизме. Однако такое суждение было бы не справедливо. Во-первых, противоречие между западной и восточной церквями действительно были для него темой животрепещущей. И особое значение он придавал тому, *как и кем* будет представлено православие в Западной Европе. В 1840-х гг., критикуя труд московского митрополита Макария «Введение в православное богословие», Хомяков писал А. Н. Попову: «Стыдно будет, если иностранцы примут такую жалкую дребедень за выражение нашего православного богословия <...>» [2, с. 434]. А в 1847 г. Хомяков уже пытался опубликовать в Европе одно из своих богословских сочинений и даже отослал для этого рукопись Жуковскому, согласившемуся оказать содействие [2, с. 439].

Во-вторых, по выражению Лемке, в подобных случаях необходимо учитывать «коэффициент того времени» [3, с. 382]. Хомяков, за которым был учрежден негласный надзор и которому запрещалось печатать свои сочинения, нашел и воспользовался, кажется, единственно возможным поводом и средством обнародовать свои мысли. Будущее подтвердило обоснованность такого шага. Когда в 1867 г. Ю. Ф. Самарин готовил к изданию II том собрания сочинений Хомякова, включавший в себя богословские произведения, нападки духовной цензуры вынудили Самарина издать книгу за границей, в Праге. Тютчев живо сочувствовал этому изданию, одно время надеялся, что кончина Филарета «должна необходимо многое изменить в понимании вопроса» [6, с. 426]. Но после смерти Филарета понимание вопроса не изменилось, и в 1868 г. пражское издание богословских трудов Хомякова было запрещено для продажи в России. Тютчев как председатель Комитета иностранной цензуры был вынужден обратиться по поводу «подобного скандала» [6, с. 471] к обер-прокурору Синода гр. Д. А. Толстому [6, с. 471]. Словом, если бы Хомяков не решился опубликовать богословские рассуждения за границей, он вообще не смог бы увидеть в печати свои работы, ставшие, по выражению П. И. Бартенева, «целым событием в истории русского просвещения» [5, с. 33].

Был ли у Хомякова иной путь преодоления цензурных ограничений? Быть может, он имел возможность убедить власти в необходимости публикации своих патриотических сочинений? Обратимся к аналогичным литературным ситуациям.

В январе 1846 г. Ф. В. Булгарин пытался убедить Дубельта в целесообразности открыть в Петербурге польско-язычной газеты и использовал мотив защиты российского престижа. «Надобно плакать и смеяться, – сообщал в Булгарин, – когда слышишь, что поляки говорят и что они за границую пишут о России <...>. Непостижимо, что опровержение заблуждений насчет России столь же строго запрещено у нас, как и самая ложь!» [3, с. 316]. Поскольку Дубельт отнесся к мыслям Булгарина благосклонно, тот в уже феврале 1846 г. пишет новую «Записку», где снова затрагивает проблему борьбы с иноземными мнениями о России. «Когда я хотел напечатать исторический вывод, в опровержение чужеземных клевет на государя и Россию, – жаловался журналист, – мне сказано, что не нужно входить с ними в разногласия, а между тем, в то же самое время напечатали в «Journal de St.-Petersbourg» одну из самых жестоких выходок противу действий правительства» [3, с. 320]. А в апреле Булгарин отправил в III Отделение новую «Записку», где оседлал все того же конька: «Для чести и славы России, для успокоения общего мнения, для уничтожения справедливых, в этом отношении, насмешек иностранцев и русских, – надобно <...>, позволить писателям, как говорится, *перевести дух*, и писать обо всем свободно <...>» [3, с. 330]. Чего же смог добиться преданный власти журналист? Его поблагодарили за откровенность, но польскую газету так и не открыли, а цензурные требования так и не ослабили.

В 1861 г. по тому же пути пошел Погодин. Опасаясь, что цензура не пропустит его статью о Спиранском, Погодин снабдил ее предисловием, где пояснял, насколько важно доверить русским литераторам трактовку российской истории. «Русские только могут доставить иностранцам материалы для их соображений и умозаключений, для Науки, – настаивает Погодин. – Без русских в этом случае иностранцы шагу ступить не могут, обреченные на вранье, которое мы беспрестанно и слышим, когда речь пойдет о России и ее отношениях. Чем же мы можем остановить их вранье? Доставлением им верных сведений» [1, кн. 18, с. 404]. Весьма убедительный пассаж. Тем не менее... Статья Погодина о Спиранском смогла проникнуть в печать лишь через 10 лет после написания.

В 1857 г. Тютчев направил кн. М. Д. Горчакову письмо «О цензуре в России». Он сравнивал российскую цензуру с «истинным общественным бедствием» [7, с. 331], убеждал, что заграничным выступлениям русской оппозиции можно противопоставить лишь отечественный орган, имеющий широкую свободу тематики и суждений. Но вот со следующего 1858 г. Тютчев сам становится чиновником от цензуры и, кажется, перестает верить в возможность скорого изменения цензурных правил. Во всяком случае, когда в 1869 г. начальник Главного управления по делам печати М. Н. Похвистнев пообещал монаршую милость чиновникам иностранной цензуры, Тютчев разочарованно спрашивал: «Не удостоится ли если не милостей, так помилования и русская печать, которая в сложности не худо, право, служит русскому делу?» [6, с. 536] А когда в 1873 г. в «Русском архиве» появилось в русском переводе письмо «О цензуре в России»,

Тютчев отметил, что его мысли 15-летней давности нисколько не утратили актуальности [8, с. 359].

Таким образом, ясно, что все попытки Хомякова опубликовать свои работы в защиту православия легальным путем в России были бы обречены если не на провал, то на проволочки, которые могли длиться десятилетиями. У Хомякова в запасе этих десятилетий не было.

Защита православия, средоточием и воплощением которого в XIX в. воспринималась Россия, конечно, была тесно связана с проблемой отражения нападков европейской печати на российское государство в целом. Можно предполагать, что Хомяков не решился выступить за границей с опровержением иностранных «сказаний» о других сферах российской жизни по двум причинам: с одной стороны, он мог опасаться, что его труд будет воспринят как сочиненный «по заказу» правительства, с другой, – само правительство могло расценить подобную публикацию как попытку несанкционированного толкования действий официальной власти и событий российской истории, что было чревато последствиями.

При этом важно помнить, что до начала непреодолимых цензурных притеснений Хомяков не боялся высказываться в отечественной прессе в защиту зарубежного имиджа России. В 1845 г. в 4 номере «Москвитянина» появилась статья А. С. Хомякова «Мнение иностранцев о России». В зарубежных суждениях о российской жизни автор обнаруживает «путаницу в понятиях и даже в словах», «бесстыдную ложь», «наглую злобу» и задается вопросом: «На чем основана такая злость, чем мы ее заслужили?» [9, с. 83] Ответ, по мнению Хомякова, кроется в двух причинах: «различия во всех началах духовного и общественного развития России и Западной Европы» и «досада» Европы перед «самостоятельной силою» России [9, с. 83]. Хомяков констатирует, что при таком положении вещей Россия, конечно, не может ожидать от Запада «полной любви и братства», но она имеет все основания «ожидать уважения». Однако в современных «сказаниях» иностранцев о России Хомяков не обнаруживает и следа этого уважения. «<...> Собственное признание в нашем духовном и умственном бессилии, – заключает он, – лишает нас уважения: вот объяснение всех отзывов Запада о нас» [9, с. 87]. Как выход из сложившегося положения публицист предлагает русскому обществу вернуться к собственным духовным истокам, не профанировать их перед иностранцами.

Заметим, что основная часть статьи посвящена не анализу конкретных высказываний и оценок иностранцев о России, а описанию своеобразного рецепта борьбы с западной недоброжелательностью. По мысли Хомякова, российское общество должно осознать, что Россия обладает оригинальным духовным потенциалом и обнаружить этот потенциал перед Западом. Хомяков развивает эту идею в следующей статье с характерным заглавием «Мнение русских об иностранцах» («Московский сборник», 1846).

Статья имеет сходную с предыдущей композицию. В начале Хомяков называет исключениями любые доброжелательные суждения иностранцев о России, и заявляет, что «мнение Запада о России <...> выражается в огромном успехе всех тех книг, которых единственное содержание – ругательство над Россию, а единственное достоинство – ясно высказанная ненависть к ней» [9, с. 104]. А затем

он снова приходит к тому, что причина кроется в неуважении русского общества ко всему отечественному, доказывает пагубность «эклектического» подражания «шаткому и бесплодному духовному миру Запада» [9, с. 134] и необходимость развивать самобытное русское миропонимание.

Обе статьи Хомякова являлись частью задуманного им «публицистического трактата», посвященного поиску путей возвращения русского общества к национальной почве [2, с. 312–325]. Он рассматривает эту проблему то в связи со строительством железной дороги в России («Письмо из Петербурга», 1845), то в связи с размышлениями о перспективах русского искусства («О возможности русской художественной школы», 1847). Поэтому и обращение Хомякова к мнению иностранцев о России можно было бы расценить как формальный повод создать одну из «многочисленных вариаций» [2, с. 316] своей мысли. Отчасти это объяснение было бы верным, но, кажется, – односторонним. Так, например, оно не давало бы ответа на вопрос, почему же Хомяков выбрал для демонстрации своих мировоззренческих моделей именно мнение иностранцев о России.

Статьи Хомякова в защиту православия являются логическим продолжением статей «Мнение иностранцев о России» и «Мнение русских об иностранцах». В этих двух работах европейская рецепция России сыграла не только роль случайного внешнего раздражителя, побудившего автора очередной раз изложить славянофильскую позицию. Хомяков почувствовал одну из общих тенденций русской литературы – защитить Россию перед лицом западных мнений, включился в общелитературное обсуждение «ответа» на зарубежные суждения о России и предложил средство решения проблемы – «рецепт», основанный на принципах славянофильской идеологии. По его мысли, русское общество должно было проникнуться уважением к духовным началам отечества и продемонстрировать это уважение перед западным миром. Хомяков сам применил этот «рецепт» на практике, выступив перед западным читателем в защиту русской церкви, с достоинством назвавшись «православным христианином» и проявив при этом ту русскую находчивость, которая издавна импонировала мнениям иностранцев о России.

ВЫВОДЫ

Анализ рассмотренных материалов позволяет сделать следующие выводы. Русские литераторы XIX в. стремились воздействовать европейский имидж России посредством публикации своих произведений за рубежом. В условиях цензуры такие попытки приобретали статус нелегальной или полунелегальной деятельности, что вынуждало даже вполне лояльных авторов искать пути к преодолению государственных запретов. Следствием этого «патриотического демарша» было, с одной стороны, расширение европейских представлений о России, с другой – приобретение русской литературой опыта легальных и нелегальных публикаций в Европе.

Список литературы

1. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина / Н. П. Барсуков. – СПб., 1900–1904. – Кн.14, 18.
2. Кошелев В. А. Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях / В. А. Кошелев. – М., 2000.
3. Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг. / М. К. Лемке. – СПб, 1908.
4. Лэйн Р. Публицистика Тютчева в оценке западноевропейской печати конца 1840-х – начала 1850-х годов / Р. Лэйн // Литературное наследство. – 1988. – Т. 97. – Кн. 1. – С. 231-252.
5. Тютчев Ф. И. Папство и римский вопрос с русской точки зрения / Ф. И. Тютчев // Русский архив. – 1886. – Кн. 2. – Вып. 5. – С. 33-51.
6. Тютчев Ф. И. Письма / Ф. И. Тютчев // Литературное наследство – 1988. – Т. 97. – Кн. 1. – С. 255-567.
7. Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений / Тютчев Ф. И. – СПб, 1913.
8. Тютчев Ф.И. Сочинения. В 2-х т. / Ф. И. Тютчев. – М., 1984. – Т. 2.
9. Хомяков А.С. О старом и новом. Статьи и очерки / А. С. Хомяков. – М., 1988.
10. Хомяков А. С. Сочинения. В 2-х т. / А. С. Хомяков. – М., 1994. – Т. 2.

**PUBLICATIONS A. S. KHOMYAKOV IN THE CONTEXT OF LITERARY
STRUGGLE FOR NATIONAL IMAGE**

Orekhov V.

In the article the Russian-French literary dialogue about the European image of Russia, examines the impact of the Russian censorship on Russian-European relations literature of the XIX century, analyzes the specifics of individual creative tactics of Russian writers who have controversy of imagology between national literatures.

Key words: image, censorship, dialogue of national literatures, imagology, reception.